

Укрощение тигра в Париже

М
М
Н
Б

18+

содержит нецензурную брань

Эдуард Лимонов

Укрощение тигра в Париже

«Альпина Диджитал»

1985

Лимонов Э. В.

Укрощение тигра в Париже / Э. В. Лимонов — «Альпина Диджитал», 1985

ISBN 978-5-00-139908-7

«Писатель привез дикое животное из Лос-Анджелеса. То есть тогда писатель не подозревал, что оно дикое, иначе ни за что не позволил бы себе пригласить эту здоровенную русскую кошку с широкими плечами, грудью, тронутой шрамами ожогов, с длинными ногами в постоянных синяках в свое монашеское обиталище. Увы, писатель открыл, что зверь дикий, а не домашний, слишком поздно». Миниатюрное отчаяние защемило вдруг дыхательные пути коротко остриженного супермена, ибо он внезапно «увидел» биопсихологический портрет своей новой подруги. «Ох и намучаюсь я с ней!» – подумал он с ужасом, но без протеста. Ибо он был все же храбрый и непокоренный писатель, бывший вор. Редкие человеческие экземпляры его всегда восхищали, и он понимал, какой редкий экземпляр ему достался. Писатель – это Эдичка, вечный герой Эдуарда Лимонова, путешествующего по свету в поисках новых литературных сюжетов. Дикое животное – певица и писательница Наталья Медведева, с которой Эдичка живет в крохотной квартирке в Марэ. Это роман о любви и страсти, в котором Лимонов творит миф из их полных драматизма и нервного надрыва отношений, роман о счастье как проклятье. Жизнь, заметил писатель, базируясь на собственном опыте, течет по времени, как нечистая кровь, полная сгустков, судорожно. Устройство общества уже давно не было для писателя секретом. Он находил собрания людей смешными, тщеславными и глупыми. Умные люди сидят дома и думают или общаются с мертвыми, читая их книги. По парти бегают замученные комплексом неполноценности кривляки. Бывает, разумеется, что и стоящий человек выбирается на парти, как вот писатель, выведший прогулять гипсового тигра с бантом. Но редко.

ISBN 978-5-00-139908-7

© Лимонов Э. В., 1985

© Альпина Диджитал, 1985

Содержание

Глава первая	9
Первый рык зверя	12
Порнолюди	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Эдуард Лимонов

Укрощение тигра в Париже

Издатель *П. Подкосов*

Продюсер *Т. Соловьёва*

Руководитель проекта *М. Ведюшкина*

Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

Корректоры *Е. Аксёнова, Ю. Сысоева*

Компьютерная верстка *А. Фоминов*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Эдуард Лимонов, 1985

© Александр Бородулин, фото

© Художественное оформление, макет. ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

* * *

ЛИМОНОВ

ЭДУАРД ЛИМОНОВ
Укрощение тигра
в Париже

Роман

Издательство
«Альпина нон-фикшн»
Москва, 2023

альпина
ПРОЗА

Глава первая

Он вышел внезапно с рю Фердинанд Дюваль, как будто поджидал меня и вот дождался. На нем был зеленый спортивный костюм, и под согнутой в локте правой рукой – сверток. Он шел с хорошей скоростью прямо на меня. Я подался влево на добрый метр или больше и тоже прибавил скорость, чтобы миновать плетущуюся впереди меня старую парижскую даму. Достойную старушку в черном.

Гад совершил немыслимый эллиптический вираж, как снаряд, снабженный ищущей тепло головкой, и саданул меня локтем в ребро, довольно больно. Я оторопел от сознательного нападения, но успел схватить его за руку и задержать.

– Эй, мэн! – сказал я по-английски, французские слова не пришли в голову. – Ты что делаешь, ты что, не видишь меня?

– А ты что, не видишь МЕНЯ?! – закричал он на ломаном английском, упирая на меня, как будто был известен всему миру.

Черты бледно-оливкового лица задержались, затряслись, почти заплакали. Он был на голову выше, и его красивое, немыслимо напряженное лицо я видел снизу. Ноздри его дрожали. Еще мгновение – и случится истерика, драка, бой. Выгибаясь вперед, он уже сучил перед собой руками, подергивал ими в боевой тряске.

– Мать твою... дурака, – пробормотал я по-русски, взвесив положение (уже стали собираться зеваки на рю де Розье), и начал поворачиваться, чтобы уйти.

Рука внезапно выдвинулась, как бы в пробной вылазке по направлению к моему лицу. Так пытаются подозвать собаку или, плюнув на пальцы, пробуют, достаточно ли раскален утюг. Я резко отклонил голову, отчего легкие мои очки со стеклами из пластика соскользнули с носа, и мне пришлось поймать их на лету, чтобы опять приклепнуть к носу.

У него на лице даже не отразилось радости по поводу его маленькой победы и моего унижения. Оно все так же находилось на грани плача.

– Мудак! – сказал я, покачал головой и пошел туда, куда направлялся, – на почту, в руке у меня были письма.

Разочарованные зеваки тоже пошли по своим делам.

«Хуй его знает, – думал я. – Может, он араб и американцы убили у него, скажем, маму. Стреляли из орудий крейсера "Нью-Джерси" и убили в горах Ливана... Или, может быть, он еврей и русские убили у него маму в Афганистане? (Неважно, каким образом еврейская мама могла оказаться в Афганистане. Предположим...) Да, но при чем тут я, мирно идущий в бушлате, с якорями на пуговицах, на почту? Коротко остриженный, может быть, я показался ему американцем? Тем более я обратился к безумцу по-английски».

На почте я хмуро сдал письма и пошел, прижимаясь к старым стенам Марэ, на Пляс де Вож, продолжая мрачно размышлять.

«Такое впечатление, что безумец дождался меня на рю Фердинанд Дюваль. Может быть, его послали задрать меня и спровоцировать? Но кто послал? Может быть, СИА послало?»

– Кому ты на хуй нужен, Эдвард! – ответил я сам себе. – Чтобы посылали людей тебя спровоцировать, следует заслужить. И даже, если бы послали... Таких, как он, не посылают... с плачущими лицами. Послали бы спокойного громилу, который бы отделал тебя с улыбочкой на лице...

Завершив беспокойную прогулку и возвращаясь ше муа¹, я внезапно подумал: «А не любовник ли это был моей герлфренд Наташки?» Она ведь упоминала в дневнике о «мальчике с плачущим лицом», с которым познакомилась в кафе. Не знаю, спала ли Наташка с ним,

¹ К себе (франц.). – Здесь и далее примечания автора.

но они встречались по меньшей мере несколько раз, и он знает, где мы живем, с месяц назад я обнаружил в почтовом ящике открытку, адресованную ей и не присланную по почте. Открытку я ей отдал, хотя и заметил, что следует вести любовные дела вне дома, и напомнил ей английскую поговорку «Мой дом – моя крепость».

– Мне неприятно, Наташа, что влюбленный в тебя молодой человек бродит поблизости. Иной молодой человек к тому же может спокойно взять однажды вечером винтовку или топор и прийти нас навестить, – сказал я.

Она зафыркала, а я закончил свою речь тем, что сообщил ей опять, что людям доверять нельзя и в мире полно уродов. Наташка еще раз презрительно фыркнула.

Если бы меня толкали на улицах всякий день, я, может быть, не обратил бы на это происшествие никакого внимания. Но я не принадлежу к типу людей, которых хочется обидеть. Шесть лет без проблем пересекал я ночной Нью-Йорк в любых направлениях. И в Париже в первый раз встретился с направленной на меня лично злобой.

– Нужно было все же попытаться избить его. Была бы спокойна моя мужская гордость. Я же поступил как воспитанный человек. Придется ходить теперь с униженным мужским достоинством. С другой стороны, у «плачущего» мог оказаться в кармане нож, и сейчас бы я не шел ше муа, а лежал бы, умирая, на сочленении улиц де Розье и Фердинанд Дюваль и наблюдал бы, как вверху тревожно движутся грязные облака. Нет, хотя я сейчас себя хуево чувствую, я поступил разумно... Вот Джек Абботт, другой подопечный Эрролла Макдональда (Эрролл – мой и Абботта редактор в нью-йоркском издательстве «Рэндом Хауз»), в подобной стычке с нервным мальчиком поступил нецивилизованно, но по-мужски – перерезал артерию на красивой шее официанта. Мне следовало иметь в кармане бритву и перерезать артерию нагледцу, сбившему с меня очки. Мне стыдно перед собой. Эрроллу, узнай он о случившемся, будет стыдно за меня. Бритву в кармане пиджака я перестал носить в 22 года. Зря, пожалуй, я перестал носить бритву. Джек Абботт звонит Эрроллу в издательство из тюрьмы «коллект». Вот и я бы звонил. Хорошенькие, однако, у Эрролла собрались писатели...

Я рассказал Наташке о столкновении с плачущим лицом, продолженным оливковым телом весом килограммов в восемьдесят, употребив выражение, которое использовала она, описывая своего поклонника, – «юноша с плачущим лицом». Информация была обнаружена мною в секретном дневничке, запирающемся на замок. Я рассказал, глядя ей в лицо. На лице ничто не отразилось. Она по-своему, по-Наташкиному, хитрая, и даже в двух своих дневничках – явном, без замка, и тайном – не пишет всего, что с ней происходит. Вполне, однако, могло быть, что неудачливый поклонник с плачущим лицом решил отомстить мне – хозяину Наташки и, зная, где мы живем, дождался меня и... столкнулся. Из русской женщины Наташи – певицы кабаре – хуй что выжмешь, если она не хочет, чтоб выжали, посему я не стал на нее нажимать, оставил тему. Только что вставшая, был четвертый час дня, Наташка, натянув подаренную мной рубаху до пят, по рубахе густо напечатаны тексты спортивных газет, села пить кофе за скрипучий стол в зале, позевывая.

Она пьет кофе и курит сигарету за сигаретой, задумчиво отставив руку с тлеющим цилиндром себе в голову или в плечо. При мне она таким образом прожгла две блузки. Еще она жжет себе волосы.

Наташке двадцать четыре. Мне сорок. Она живет со мною год.

– Проспала весь день! Темнеет. Какой ужас! – гудит Наташка. У нее очень низкий голос.

– Что ты хочешь, декабрь, – замечаю я. – Там есть еще кофе в кофейнике?

– Кажется, есть.

Дым застилает ее лицо. Так много курил только майор милиции Шепотько, четверть века тому назад. Сосед по квартире. Я бросил курить. Заметив мою гримасу, Наташка машет рукою – разгоняет дым. Она нуждается в добром целом часе, чтобы отойти от своих ночных

кошмаров, не менее густых, чем этот дым. Во сне она скрипит зубами, смеется, вдруг вскрикивает: «Так я тебе и рассказала!» – и скрипит зубами опять. Может, она шпионка?

Кофе в кофейнике нет. Кофейник у нас маленький. Из него выходит чашка очень крепкого эспрессо, и только. Эспрессо душераздирающе-крепкий, как Наташка.

– Ты пришла вчера в полпятого. – Я высовываюсь к ней из щели, служащей нам кухней. Вход в щель прикрывает американский флаг.

– В четыре, – зевает она.

Наш рутинный спор. О времени, в какое она является домой. Нормальным считается три часа утра. Вообще-то ночной клуб на Елисейских Полях, в котором поет моя любимая, закрывается только тогда, когда уходит последний клиент. Я обычно жду любимую до трех, читаю французские книги. Если в три она не является, я ложусь спать. Довольно часто любимая возвращается нетрезвой.

– В половине пятого, – повторяю я, выковыривая из кофейника еще горячую жижу. – И даже, может быть, без четверти.

– Откуда ты можешь знать, Лимонов? Ты спал, когда я пришла.

– Я вставал в туалет в начале пятого. И потом еще некоторое время лежал, не мог заснуть.

– Хорошо, в полпятого. Почему ты меня не разбудил хотя бы в час дня? Весь день потерял. Четвертый час... Ужас... Хотя тебе, конечно, удобно, что я сплю. Не мешаюсь у тебя под ногами. Ты можешь спокойно писать, слушать радио, заниматься гимнастикой... Ты, наверное, был бы счастлив, если бы я спала двенадцать часов в сутки?

– Ты и так спишь двенадцать, Наташка.

– Потому что ты меня не будишь, Лимо-о-о-о-нов! – вдруг гудит она и потягивается. Утренний рык зверя. Кофе начинает действовать. Скоро Наташка будет готова к жизни.

В районе получаса она умоется, сделает себе еще кофе и переберется в спальню, где у окна стоит стол с ее пишущей машинкой. Уже несколько месяцев то истерично быстро, то лениво Наташка пишет роман о своей жизни. Вокруг пишущей машинки в беспорядке плавают многочисленные предметы, принадлежащие Наташке. Ее сигареты, заколки, спички, пепел, бижутерия, тексты на целых листах и клочках бумаги, фотографии, сделанные примитивным, как примус, американским фотоаппаратом (она повсюду таскает аппарат с собой), расчески, щетки, баллон лака для волос, помада, тубики и баночки с мейкапом. Наташка очень редко убирает свой стол. Под столом у нее валяется портфолио, она была в Лос-Анджелесе моделью.

Голос у Наташки даже не контральто, но альт. Глубокий, могучий и, как сообщил мне недавно по телефону человек, собирающийся сделать ее звездой, – «один такой во Франции». Голос изливается из большого яркого рта. Рот помещен на скуластой, немножко сбитой на одну сторону крупной физиономии русской девушки, увенчанной быстро отрастающей гривой волос, только что перекрашенных из русых в красные. Росту в русской девушке около 180 сантиметров, то есть подружка моя выше меня, а темперамент у подружки дикарский. Я живу с диким животным в квартире в Марэ, в двух комнатах плюс зал (он же прихожая и столовая) и две крошечные клетушки – ванная и китченетт.

Первый рык зверя

Писатель привез дикое животное из Лос-Анджелеса. То есть тогда писатель не подозревал, что оно дикое, иначе ни за что не позволил бы себе пригласить эту здоровенную русскую кошку с широкими плечами, грудью, тронутой шрамами ожогов, с длинными ногами в постоянных синяках в свое монашеское обиталище. Увы, писатель открыл, что зверь дикий, а не домашний, слишком поздно.

Когда дикое животное подошло к столу русского ресторана «Москва» на Голливуд-бульваре, оно вело себя прилично. Только что коротко остриженное во время очередной психической атаки (о существовании психических атак писатель, разумеется, тогда не подозревал) существо со стоящей дыбом на голове белой шерсткой, в коротенькой юбочке, с телом, на две третьих состоящим из нейлоновых ног, приветливо улыбалось и смущенно басило альтом. Существо, оказывается, знало и цитировало стихи писателя. Так как графин с водкой и лос-анджелесские цветы прикрывали часть лица читательницы, писатель попросил сидящего рядом приятеля – редактора местной эмигрантской газеты – поменяться местами с юной читательницей, и большой зверь сел рядом с ним. Ах, если бы писатель знал... Впрочем, все равно, наверное, пригласил бы зверя приблизиться.

Она тогда уже не пела в «Москве». Но, очевидно, желая произвести впечатление на писателя, показать ему, на что она способна, она вышла на помост к музыкантам, стала на фоне нарисованных на стене русских витязей (в палехско-лос-анджелесском варианте) и спела одну за другой три песни. Спела с таким бешеным темпераментом, с таким ревом и урчанием дикого зверя, что писатель выпил еще водки. Даже его, скептического европейца, отвыкшего от диких песен соотечественников, прошибло все же ее громовое «Ой вы, кони залетны-йя!». Могучий рык прорвался сквозь заслон его нажитого в бурях жизни скептицизма.

«У, баба! – подумал он с уважением. – Во дает! Вот это градусы!»

– Старается! – появилась из-за цветов улыбающаяся физиономия редактора газеты и подмигнула в сторону зверя, рычащего с эстрады. – Для тебя. Наповал убить желает.

Компания американцев за соседним столом энергично зааплодировала. Несколько мужчин поднялись с мест и нетвердыми шагами отправились к артистке, поздравлять. Артистка, хулигански выпятив в зал круп, прикрытый цвета черри юбочкой в складках, вильнула задом несколько раз и ловко уселась верхом на подставившего ей плечи саксофониста. Саксофонист, тяжело поднявшись с колен, пробежал с нею по кругу эстрады под вой и хохот зала, и наездница соскочила с жеребца, взмахнув нейлоновыми ногами. «Уф!» – свалилась она на стул рядом с писателем.

– Здорово! – похвалил писатель. – Мощно! Какой темперамент! Спасибо!

Он налил в чистую рюмку водки и протянул артистке. Она еле заметно поморщилась, но взяла.

– Наташа любит коньяк «Хеннесси», – ухмыльнулся редактор.

Значение этой ухмылки и коньяка «Хеннесси» в жизни Наташки писателю пришлось узнать лишь много позже. Тогда к ним вдруг подошел официант с бутылкой шампанского.

– Наташа, это вам прислали от... – Официант хмуро повел головой, показывая, от какого стола.

Взглянув на улыбающиеся физиономии четверых мужчин за указанным столом, певица помрачнела и, как показалось писателю, смутилась.

– Отнеси обратно, – сказала она официанту.

Однако официант не уходил, продолжая стоять с бутылкой в руке.

– Примем, Наталья? – вмешался четвертый участник сцены, черноусый, бывший кинорежиссер. – Чего там. И товарищ писатель не возражает, правда ведь?

– Не возражаю, – подтвердил писатель, которому церемония была малопонятна. Может быть, шампанское прислал любовник Наташки; судя по проявившемуся только что на сцене темпераменту, их у нее должно было быть немало. Воспитанный самим собой в вольном стиле писатель не видел ничего предосудительного в том, чтобы выпить бокал шампанского, посланный любовником или поклонником певицы.

– Открывай! – приказала певица и заулыбалась...

Они уже допивали бутылку, когда от стола, приславшего им шампанское, отделился человек и подошел к певице.

– Что же ты, Наташа, не здороваешься даже? – Человек был облачен в серый, в полоску, костюм, воротник голубой рубашки был выпущен поверх воротника пиджака. Небольшого роста, но квадратное существо это было немедленно определено писателем как представитель местного полупреступного торгового мира. Может быть, владелец магазина колбасных изделий или владелец парикмахерской или бензоколонки. Евреи из советской провинции, грубые, как советская провинция, люди эти быстро сориентировались на влажной лос-анджелесской почве и жили здесь по таким же полублатным законам, по каким жили в своей Одессе или Жмеринке. В ресторане «Москва» у них был клуб.

– Ну, здравствуй... – Певица нехотя подняла глаза на колбасного джентльмена.

Физиономисту-писателю стало ясно, что она стесняется его животной грубости, его свисающего на ремень брюк живота. Тяжелым животом он, должно быть, ударял ее при совокуплении. Шлеп! Шлеп! Писатель улыбнулся своим физиологическим мыслям.

– Не хочешь признавать? – хрипло сказал колбасный. – Все забыла...

– Ладно, – сказала она. – Видишь, я с компанией. Им это неинтересно.

– Я вижу, – укоризненно снизил он голос. – Между прочим, шампанское я вам прислал.

– Спасибо. Забери свое шампанское... – Она протянула ему бокал, который держала в руке.

Он отстранил руку и, зло повернувшись, протопал к своему столу.

– Кто это? – спросил писатель.

– Да так... Никто.

Она вздохнула, и лицо ее изобразило еще большее стеснение. Может быть, она в этот момент представила себе, как колбасный джентльмен подбивает ее белым волосатым мешком живота?

– Пойдемте отсюда, а? У вас какие планы?

Планов у них не было. Писатель был гость Лос-Анджелеса, и его следовало развлекать. Редактор и экс-кинорежиссер посмотрели на него, ища ответа.

– Выпьем еще, – предложил писатель.

– Пойдемте ко мне. Посмотрим «Найт портер» и выпьем. Я живу рядом. – Экс-кинорежиссер, веселый и наглый, жил один. У него была коллекция видеокассет и большой запас алкоголя.

Они встали. На протяжении двух десятков метров, отделяющих их стол от выхода, к певице приблизились еще несколько мужчин такого же типа, что и колбасный, и успели предъявить ей какие-то требования, каковые она уже не смущенно, но твердо и грубо отклонила. Они вышли на Голливуд-бульвар и двинулись, она впереди, возвышаясь над сопровождающими ее мужчинами.

– Вы у них тут популярная личность, – съязвил писатель, когда они оказались рядом.

– Я пела в «Москве» больше двух лет, что вы хотите. Каждый мудака хочет показать, что он со мной знаком, – оправдалась она.

– Факинг бич! Оставь этих мужчин в покое! – крикнула им из-под фонаря черная проститутка.

Шпалерами девочки стояли почти под каждым фонарем в этом месте Голливудского бульвара.

– Это она мне. Думает, что я тоже проститутка, но чужая, со стороны, и отбиваю у нее клиентов. – Певица засмеялась.

Вопреки установившемуся мнению, что в Лос-Анджелесе нельзя шагу ступить без автомобиля, они добрались до квартиры экс-режиссера пешком. Сизый мягкий туман висел над Голливудским бульваром. Мимо проносились такси. Остановив одно из них, писатель мог легко умчаться от своей судьбы, но не умчался.

Она стеснялась писателя и боялась. Но почему-то само собой разумелось, что они должны быть вместе. Получалось, что Лос-Анджелес дарил писателю девушку, и ни он, ни девушка не могли отказаться. Был четвертый час ночи, и только русская не знающая границ чопорная вежливость удерживала компанию. Те двое хотели спать. Утомленный алкоголем и полупьяной беседой, попросил разрешения удалиться редактор газеты и, извинившись десяток раз, наконец удалился. Возможно, он считал, что следует развлекать друга-писателя несколько суток без перерыва на сон, кто знает. Уснул сползший на пол с дивана экс-кинорежиссер и теперь время от времени захрапывал с пола. Пара продолжала пить вино и, целомудренно переминая руками руки, не сводила глаз с экрана ТиВи. На экране цветные экс-эсэсовец и его еврейская экс-жертва умирали от голода, обложенные врагами в квартире. Наблюдая сцену лавмэйкинг на осколках только что опустошенной последней банки варенья (кровь залила экран), писатель и Наташа нежно поглядели друг на друга. Нежно и недоверчиво, как бы прикидывая «А мы так можем?» – поглядели и поцеловались. Экс-режиссер, безучастный к крови и трагедиям любви, вульгарно всхрапнул. Они поцеловались на диване, а в фильме экс-эсэсовец с жертвой поцеловались сухими голодными губами и стали одеваться для последнего выхода. Он надел черную эсэсовскую униформу с красной повязкой со свастикой на рукаве и сапоги. Она – простое платье, то самое, в котором она работала жертвой, и они вышли на утренние пустые совсем улицы и теперь шли по мосту. Рука Наташи сжала руку писателя. В фильме она держала эсэсовца под руку. Последовали выстрелы, и они упали на мосту, в последние секунды жизни все же соединившись руками. И застыли. По щекам Наташки лились слезы.

Растолкав экс-режиссера, писатель убедил его в необходимости переместиться в спальню. Режиссер ушел, бормоча, что они могут, если хотят, лечь в его кровать, а он... Он свалился в спальне на предложенное им ложе и тотчас уснул, не раздеваясь.

Повозившись, пара устроилась на узком диванчике очень неудобным образом, так что одна нога писателя, лежащего на боку, оказалась под крупом Наташки, другая – где-то в районе раздвоения ее ног. Наташкины ноги, высоко согнутые в коленях, возвышались над диваном и парой. Они погрузились в нежный, неудобный сон, как вновь обретшие друг друга брат и сестра. Он, во всяком случае, боялся пошевелиться. Она множество раз открывала глаза и глядела на него проверяюще: не смеется ли над ней писатель? Всякий раз глаза смягчались, недоверие исчезало, глаза мягко закрывались. Ни он, ни она не сделали ни единого движения в сторону секса. Почему-то было ясно, что секс все упростит и испортит, вульгаризирует, снизит. Несколько раз у писателя произвольно, без его ведома, вдруг твердел член, но он не последовал туда, куда тянул его член, а именно между ног вдруг уставшей и слегка сопящей девушки, откуда тянуло горячим. Сказать, что писатель представлял женщину, переплетшуюся с его телом, как некоего ангела, «гения чистой красоты», девушку чистую и незапятнанную, было бы отвратительной ложью. Писатель, заметивший особое, «плотское», стеснение Наташки во время ее короткой беседы с животастым колбасником и проанализировавший лицо животастого в этот момент, скорее был склонен преувеличивать развратность певицы и думал о ней как о женщине легкодоступной. Но социальная репутация женщины никогда не оставливалась его – в отличие от большинства мужчин – в его симпатиях и влюбленностях. Даже

более того, ему исключительно всегда и нравились женщины с очень плохой репутацией. Вот он лежал с женщиной с дурной репутацией и думал: «А вот не буду тебя ебать! Ты ведь привыкла, что все хотят от тебя именно этого: Наташа, дай! А я вот не стану. Назло тебе или чтобы удивить тебя».

Он давно знал, что женщины бывают растеряны и уязвлены, если мужчина не домогается от них секса.

Позднее Наташка говорила ему:

– Первый раз в жизни я уснула тогда с незнакомым мужчиной – с тобой.

Ох, прожив на свете сорок лет, он, разумеется, не верил в женские «первые разы». «Первый раз в жизни я взяла в рот мужской член, твой член, дорогой!» Или: «Я никогда до этого не позволяла трахать себя в попку. Только тебе я доверила эту часть тела, дорогой!»

Почему они так слепо верят, что приятно быть первым. Писатель терпеть не мог девственниц. Не говоря уже о нежелании выполнять грязную работу дефлорирования, неумелость и часто полная бесчувственность девственниц, считал он, делают их неуклюжими и неинтересными партнерами. Много возни – мало толку. Писатель предпочитал женщин, знающих член и любящих его.

И Наташке он не поверил. Compliments в свой адрес он не любил, тем более что в данном случае комплимент звучал двусмысленно. Женщина уснула с тобой, что же ты за мужчина! Как бы там ни было, случилось, что первую ночь они провели на узком диванчике, прижавшись друг к другу, и если она спала, как она впоследствии утверждала, то он не спал ни минуты. Он думал о том, что если бы тогда Галка не сделала аборт, то у него был бы такого же возраста ребенок. Может быть, дочь. Ну на несколько лет младше. Глядя на ее ухо и губы, большие и яркие, он рассуждал: «Вот спит девочка. Каждому человеку нужен другой человек. Хоть один. Долго ты жил, серый волк, в одиночестве, насмехаясь над всеми и никого не любя. Может быть, пришло время взять в дом девчонку, чтобы спать с ней вместе?»

Утром им было весело. Скорее всего, таким образом влиял на них алкоголь, поглощенный ночью, и грустное отчаяние, навеянное фильмом «Найт портер». Они были истерически веселы. (А может быть, подсознательно они были рады, что встретились в океане жизни?) Похмелившись с экс-режиссером, они отправились в старом ее «мерседесе» в редакцию эмигрантской газеты и стали ждать, когда освободится редактор, чтобы отвезти их на свою холостяцкую квартиру. Гостеприимный редактор отдавал квартиру в распоряжение писателя. Коллектив эмигрантской газеты, состоявший из вполне милых людей разного роста и возраста, радушно приветствовал русского писателя. Невозможно было понять, впрочем, действительно ли они рады его видеть или к подобной радости их обязывает то обстоятельство, что редактор (он же и владелец газеты) благоволил к странному типу. Писатель, однако, воспринимал мир таким, каким видел его, и не искал открытых мотивов.

На двух машинах – Наташка с писателем на тронутом ржавчиной «мерседесе», редактор на ярко-красном «олдсмобиле» величиной с парикмахерский салон – они прибыли на Детройт-стрит и осмотрели квартиру. Оказалось, писатель уже останавливался в ней пару лет назад. Выдав писателю ключи, извинившись по отдельности за протекающий кран с горячей водой в кухне и протекающий кран с холодной водой в ванной, редактор, похожий на Ал Пачино, удалился, оставив мужчину и женщину наедине. Отступать было некуда, нужно было идти в постель.

Каждый из них проделал это много тысяч раз, однако они стеснялись именно друг друга. Отлично натренированные, внешне они ничем не проявили своего смущения и проделали все операции как следует. Они раздели друг друга, целовались, гладили... но тела их как бы оказались закутанными в прозрачный пластик, и прикосновения не вызывали чувств. Странно неглубокий сексуальный акт их продолжался долго и ничем не кончился. Ни мужчина, ни женщина не получили оргазма. Скрипели пружины железной койки (складная, она хитроумно уби-

ралась в кладовую комнату), раздавались нужные вздохи и стоны, но никто ничего не чувствовал.

Нужно было кого-то обвинить. Вначале писатель обвинил во всем себя. Однако, поразмыслив, снял с себя часть вины и назвал причиной простуду. Выскочив в октябрьский Нью-Йорк в летнем пиджачке без прокладки, он простудился и привез к Тихому океану кашель, боли в груди и температуру. Она? Если она и была виновата, то меньше, чем писатель, ибо самец, как известно, задает тон, ритм или, если хотите, температуру сексу. Уже от того, каким образом мужчина берется за женщину, зависит ее ответ. Наташка, без сомнения, стеснялась любимого поэта. За истекшие сутки выяснилось, что он – любимый поэт Наташки. Поняв, что она даже знает некоторые его стихотворения наизусть, писатель приуныл. Это означало, что ему придется соперничать с его собственным, выдуманном ею образом. Биться с могущественной тенью.

Так как целью приезда писателя в Лос-Анджелес были не встречи с друзьями и опыты секса с русской девушкой Наташей, но чтение лекций в полдюжине университетов Калифорнии, следовало выполнять взятые на себя обязательства. И заработать деньги, которые он планировал заработать. Первый университет штата Калифорния, в котором ему предстояло разглагольствовать, был расположен в полутора часах от Лос-Анджелеса. Писатель потребовал, чтобы девушка поехала с ним. Может быть, он собирался восстановить свою мужскую честь в маленьком кампусе университета и без восстановления чести не хотел отпускать ее?

Тогда он еще не знал, что она может быть очень раздражительной. Теперь, вспоминая эти взгляды (время от времени Наташа обливала ими писателя как холодным душем), писатель ясно понимает, до какой степени ей тогда не хотелось сидеть за рулем подержанного «мерседеса». «И зачем я пустилась в эту авантюру? – может быть, думала она. – Теперь я должна работать шофером, возить его по Калифорнии».

Сама этого не сознавая, Наташка была избалована мужчинами и, хотя прекрасно водила автомобиль, предпочитала разваливаться на кресле рядом с шофером, доверив самцу перевозку своего драгоценного тела по сети лос-анджелесских дорог, обвивающих тело города таким же причудливым образом, как когда-то португали обвивали корпус папы писателя – офицера Советской армии. Плюс Наташка боялась полиции. Несколько месяцев назад ее арестовали за вождение «мерседеса» в пьяном виде и отобрали права. (Приговоренная к принудительному посещению занятий организации «Алкоголик анонимус», она встретила в кулуарах этой организации множество представителей голливудской киноиндустрии. Пьяные актеры и актрисы плотно населяли хайвей этого района города.)

Они доехали наконец. Писатель прочел лекцию о самом себе, и университет заснял его лекцию на видеокассету. Впоследствии писателю пришлось увидеть себя, синелицею, бодро разевающего рот за двести долларов. После лекции, по традиции университетов всего мира, состоялась парти в доме пригласившей писателя профессорши – главы департамента. Профессорша, гордящаяся дружбой с полдюжиной знаменитых русских писателей (равно эмигрировавших и советских), гордилась и своей прогрессивностью. Поскольку наш писатель был новой восходящей звездой литературы, мнения академической общественности департаментов славянских литератур Соединенных Штатов по его поводу разделились. Непрогрессивное, как всегда, большинство считало писателя порнографом, а прогрессивное меньшинство (и эта профессорша среди немногих!) считало его обновителем языка, новатором, как бы юным «клинингмен», пришедшим в запущенную комнату русской литературы, чтобы сорвать паутину в углах, открыть окна и впустить свет и несвежий уличный воздух.

Дом профессорши, двухэтажный, обросший пальмами и научно-фантастическими кустами алоэ, прохладный, сиял внутри полированным деревом лестниц и стен. Обширный, он мог бы быть выбран символом американской мечты: «Вот чего вы добьетесь, если будете хорошо работать и сидеть тихо». Беседуя с гостями, чокаясь бокалом шерри со множеством

некрасивых девушек, дряхлых эмигрантов и карьеристов-аспирантов славянских департаментов, вступая в короткие споры и выбираясь из споров, писатель все время с удовлетворением ощупывал карман пиджака, в котором лежал чек на двести долларов.

Около полуночи гости разошлись. Несколько девушек ушли неохотно. Если бы писатель приехал один, лучшая свободная девушка на парти досталась бы ему. Такова университетская традиция, столь же древняя, как традиция потребления шерри на академических парти. Обычно университетское население бывает недовольно и глухо ропщет, если писатель является читать лекцию в сопровождении жены или подруги. Неблагодарный, привезя с собой женщину, он лишает местных их привилегии – возможности попробовать писателя на местной женщине, чтобы потом неторопливо обсуждать мужские достоинства писателя до приезда следующего лектора. Продолжительность интервала между заездами обыкновенно зависит от состояния бюджета департамента и жизненной энергии его главы.

Проводив гостей, по приглашению профессорши они разделись (профессорша первая) и спустились в джакузи. Профессорша принесла бутылку шампанского, бокалы, и они выпили в пару, сидя на горячих волнах. Там, в джакузи, писатель впервые услышал рык зверя. И зверь рычал на него.

Выпив шампанского и еще водки, Наташка вдруг вынырнула из клубов пара и, прервав дружескую похвальную речь профессорши, обращенную к гостю (в речи подчеркивались еще раз достоинства писателя), сказала хрипло:

– Все думают, читая его книги, что он хуй знает какой распрекрасный мужчина. Ха-ха, на деле же это... не так! – Издевательски выделив «ха-ха» и «не так», подлая скрылась в клубах пара и захохотала.

Писатель от неожиданности даже соскользнул с одной склизкой ступени под водой на другую – ниже и хлебнул большую порцию горячей воды. Так вдруг унизить его мужское достоинство перед другой женщиной... Как можно!

Профессорша, по возрасту Наташка годилась ей в дочери, помолчав, сказала серьезно:

– Вы не должны так говорить о человеке, которого, как я понимаю, вы любите, Наташа... – И направила разговор на соседствующую, но уже другую дорогу, заметив: – Посмотрите, какое у Эдуарда красивое тело...

– Вы его все избаловали, – продолжала упрямая дикарка, опять появившись из облаков пара, как русалка из пены морской. – Эдуард Лимонов – супермужчина! Да что Лимонов... Да он удовлетворить меня не может, ваш Лимонов, да он...

Писатель не выдержал и, сохраняя на лице вымученную улыбку, воспользовался тем, что лежал рядом с дикаркой в более затемненной части джакузи (профессорша – визави), с силой пнул дикарку ногой. От удара, хотя и смягченного толщей воды, она, очевидно, чуть отрезвела и не закончила фразу. Бог знает, что еще она собиралась сказать. Благородная профессорша, положив темные груди на воду, благородно защебетала о литературе.

Писатель не смог дольше оставаться в джакузи. Сделав вид, что ему стало плохо, он покинул дам. Надел халат отсутствующего сына профессорши и, отодвинув стеклянную дверь, вышел в усаженный кактусами двор, пересек его, мельком заметив большие кляксы звезд над садом. Вошел в дом, поднявшись на второй этаж, нашел отведенную им комнату и сел на диван.

«Ну, русская наглая девка! – подумал он. – Я тебя удовлетворю завтра же. По прибытии в Лос-Анджелес я с тобой расстанусь! Если ты думаешь, что меня можно безнаказанно унижать, то ты, любовница колбасников, жестоко ошибаешься... Плебейка! Ну какая блядь!»

Нервно сворачивая джойнт, писатель стал думать об их сексе. Свернув джойнт, писатель признался себе, что секс у них получился неинтересный. Супермужчиной он себя, однако, никогда не считал. И таковым себя не называл ни в одной своей книге.

Он выкурил джойнт, потом второй, а она все не шла. Было слышно, как женщины галдят на первом этаже: «Бу-бу-бу. Бу-бу-бу...» Вскоре они включили музыку. Внезапно, очевидно, повинувшись коллективному женскому капризу, свели музыкальное оформление почти на нет и опять заговорили: «Бу-бу-бу...» На третьем джойнте, писатель в это время уже лежал меж простыней на диване и курил лежа, он услышал свое стихотворение о русской революции, скандируемое дикой Наташкой во весь голос: «Белая моя, белая! Красная моя, красная!» Декламация его произведения не польстила ему, против ожидания, но вызвала злобу. Он решил уснуть и выключил свет, но Наташка вдруг опять проскандировала то же стихотворение. Только после третьей репетиции он догадался, что пьяные женщины пытаются записать его произведение в Наташкином исполнении.

Наконец она пришла голая, в полотенце, съехавшем с плеча, и плюхнулась рядом с ним. Он думал, она извинится. Но как он ее плохо знал еще.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она, пьяно заикаясь.

– Твоими молитвами.

– Что?

– Блядь ты, вот что.

– Да, блядь... – спокойно согласилась она, разматываясь из полотенца.

– Зачем ты сказала Патрише о том, что... – тут он запнулся, – что я тебя не удовлетворяю?

Что у нас с тобой плохо получается в постели?

– А что, разве у нас хо... (икнула) получается?

– Пусть так, но зачем выносить нашу постель на улицу. Плюс ты виновата в том, что плохо получается, в такой же степени, как и я.

– Мож быть, – сократила она фразу.

– Нужно было объявить Патрише и об этом. Доносить – так доносить все.

– Ага, – согласилась она равнодушно и, потянувшись к джойнту, мягко упала с постели.

Замедленно упала, вначале нога, потом зад, другая нога и локти.

Писатель с отвращением подумал, что Наташка абсолютно пьяна и что Патриша не удержится, конечно, и расскажет коллегам об эпизоде в джакузи. Его мужская репутация в академических кругах безнадежно разрушена.

– Пизда! – сказал он.

– Га-га-га! – засмеялась она, забираясь обратно в постель.

Наблюдая за тем, как она неуклюже-пьяно тащит свой зад, писатель ощутил прилив настоящей ненависти к ней и, напав на нее сзади, втиснул в пьяное существо член. Он ебал ее с ненавистью до самого калифорнийского рассвета, и так как гостевая комната находилась напротив спальни хозяйки, то, вне сомнения, стоны и вскрики пьяной были слышны профессорше и достаточным образом восстановили только что разрушенную репутацию писателя в академических кругах.

Наутро он не выбросил ее из своей жизни, как себе обещал. Он решил поглядеть на ее поведение. Они даже остались у профессорши еще на один день и одну ночь. Хотя писатель чувствовал себя еще более скверно, обливался холодным потом и его качало, к ночи они опять забрались в джакузи, и он пил водку, чтобы не умереть и дожить до следующей лекции в другом университете.

Порнолюди

Проделав тур по северным калифорнийским университетам без Наташки, писатель вернулся в Лос-Анджелес, и она встречала его в аэропорту.

В тот же день, в открытом ресторанчике на Венис-Бич (солнце тотчас заставило запотеть графин с белым вином), писатель предложил сидящей против него женщине отправиться вместе с ним в Париж.

– Я – бедный, – сказал писатель. – Я опубликовал только две книги в переводе на французский, и платят мне за книги пока еще немного. Но хватает, чтобы оплачивать меблированную квартиру в Марэ и покупать сыр и вино. Я предлагаю вам поехать со мной в Париж. Хотите?

Мимо катились на роликах черные и белые атлеты в трусах, провозя лоснящиеся кокосовым маслом и потом тела. Из-под ближней пальмы бил барабан.

Октябрьский, тихо плескался Великий океан в полусотне метров, раскачивались брюки и тишот на вешалках, выставленных на пляж из соседнего с рестораном магазина. Прошел маленький бородатый хиппи в шортах с кривыми ногами, очень похожий на Чарльза Мэнсона. Наташа улыбалась и вертела в пальцах пустой бокал. Совсем недавно она призналась Лимонову, что ей тогда очень хотелось выпить, а писатель, еще не подозревавший о неумеренно пылкой любви Наташи к вину, наливал все больше себе. Он знал о своей любви к вину и особенно к принятию вина совместно с принятием солнечных ванн.

– Несколько неожиданное приглашение, – сказала она.

– Ничего особенного я не могу вам обещать, Наташа. – Писатель наконец налил женщине вина. – У меня ничего нет, кроме моих книг.

– Мы друг друга совсем не знаем! – справедливо воскликнула женщина.

– Узнаем. – Писатель убрал руки со стола, перед ним поставили сеймон-стейк, способный удовлетворить аппетит всех голодных детей небольшого африканского городка. – Если мы обнаружим, что не сможем жить вместе, я помогу вам остаться в Париже. Помогу как друг, насколько я понимаю, в Лос-Анджелесе вам нечего делать?

– Я ненавижу Лос-Анджелес... – вдруг призналась Наташка.

Ситуация была дежавю. Где-то Лимонов уже видел и себя, и Наташку, и ресторанчик на Венис-Бич и слышал фразу: «Я предлагаю вам поехать со мной в Париж». Неточная (как можно «поехать» туда? Полететь, конечно), но красивая фраза. И как много пришлось преодолеть разных приключений писателю, чтобы быть вправе так вот, запросто, сняв белый пиджак, сказать: «Я предлагаю вам поехать со мной в Париж».

Наташка, на ней была фиолетовая блузка с большими плечами, подняла запотевший бокал и сказала, глядя по-азиатски широко расставленными глазами на этого, свалившегося ей на голову человека:

– За Париж! – И они выпили.

Глядя на залитый солнцем стол ресторана на Венис-Бич, где сидят Наташа и загорелый писатель в больших очках (позже, весной, она ломает эти очки в драке на ферме в Нормандии), нельзя не восхититься определенной жизненной смелостью обоих. И в особенности смелостью ее. По зову знакомого ей только по книгам человека вдруг быть готовой переместиться через две третьих земного шара и начать новую жизнь способна далеко не всякая женщина. Впрочем, верно и то, что в Лос-Анджелесе ей нечего было делать. И она никого там не оставляла. Только Толечку.

У Толечки она жила. По всем сведениям, она не жила с Толечкой, но обитала в его квартире, заваленной русскими книгами. Спала на диванчике в ливинг-рум. Толечка был другом ее первого мужа. С Толечкой она познакомилась еще в Москве. Инженер-электрик, экс-комму-

нист, монах по рождению, книжник, Толечка проследовал через Наташкину жизнь, через двух мужей и бесчисленных любовников, через Москву и Лос-Анджелес, все время приближаясь, до того момента, когда она наконец потерпела окончательное крушение. Тогда она приземлилась у Толечки на красном диванчике. В период ее жизни в затхлой уютной квартирке в стиле а-ля гранд-мэр и прибыл в Лос-Анджелес писатель.

О размерах крушения можно только догадываться. Но даже вдруг в корень отрезанные волосы символизировали желание убить прошлое и начать новую жизнь. Символизировали жизненный кризис. В темной квартире Толечки, расположенной в цокольном этаже типичного лос-анджелесского дома-сарая, Наташка, несомненно, отлеживалась после катастрофы. По странной иронии судьбы на втором этаже над Толечкой жил француз-еврей. Французский еврей этот, такой же одинокий монах, как Толечка, был до появления Наташки другом монаха экс-советского. Монахи беседовали по вечерам и рассказывали друг другу свои сложные жизни. Даже в крушении Наташкин бурный темперамент не был сломлен. Она стала ночи напролет спорить с Толечкой и кричать, споря. Рык зверя, даже если зверь только говорил, а не кричал, подымал француза с постели и заставлял бегать по квартире, время от времени ударяя чем-то тяжелым в пол, то есть в Толечкин потолок. Бедный француз, занесенный в Лос-Анджелес, который он, подобно Наташке, ненавидел, какими-то сложными манипуляциями абсолютно враждебной именно этому французу судьбы, как последний удар – получил в соседи Наташку. Французский еврей мечтал доработать до пенсии на какой-то безумной, глупой и скучной фабрике (каждое утро он отправлялся на фабрику в шесть часов!), чтобы уехать потом в любимую Францию и дожить там остаток дней своих.

– Почему он не едет во Францию завтра? – спросил не понимающий обыкновенных людей супермен-писатель.

Наташка и Толечка переглянулись.

– А черт его знает! – сказал Толечка. – Боится ехать туда без денег.

– Вот идиот, – сказал писатель. – Да лучше быть клошаром² в Париже, чем миллионером в Лос-Анджелесе.

Впервые привезя писателя на Сан-Висенте-бульвар, открыв дверь своим ключом, она крикнула в полумрак:

– Толечка! К нам Лимонов приехал!

Толечка вышел из спальни в ливинг-рум и, хлопая глазами ночной моли, сказал глуховатым голосом:

– Вот хорошо-то как, Наташенька. Вот как хорошо-то. Шампанского нужно выпить!

И, сменив домашние трикотажные брюки на шорты и вьетнамские резиновые шлепанцы (местная октябрьская мода), гологрудый, чуть поросший рыжеватой шерстью Толечка отправился в ликер-стор, удивив своей доброжелательной готовностью писателя. Писатель сложил свое впечатление от ушагавшего в магазин Толечки и его манер в форму вырвавшегося у него довольно грубого восклицания: «Ни хуя себе гостеприимство!» Он еще не знал тогда о культе писателя Лимонова, исповедуемом последний год Наташкой и поощряемом Толечкой.

Позднее, разглядывая в «Нью-Йорк пост» фотографию Марвина Панкоаста, якобы бейсбольной битой убившего свою подружку Вики Морган, бывшую любовницу друга президента Рейгана Артура Блумингдэйла, писатель был поражен сходством Марвина с Толечкой. Те же жидкие, треугольником, невыразительные усы, такие же короткие редкие волосы непонятно-бурого цвета. Опубликованное же рядом с фотографией Марвина известное уже всей Америке фото Вики – с мехами под самый подбородок, волосы распущены – обнаруживает большое сходство Вики с Наташкой. Здесь можно было бы порассуждать о законе сходств и о

² Бомж (франц.).

законе притяжения пар и собирания их, но за неимением полных и отчетливых данных о характере отношений Вики и Марвина, так же как и Толечки и Наташки, предпочтительно остановиться только на указании сходства. В сходстве, может быть, таится и намек на дальнейшее развитие отношений или на то, как они могли бы развиваться, не появившись вдруг из внешнего мира писатель. Заметим также, что Марвин и Вики тоже лос-анджелесская пара.

Пока Толечка ходил в ликер-стор, писатель задумался было о характере отношений, могущих существовать между живущими в одной квартире женщиной двадцати четырех лет и мужчиной Толечкиного возраста – сорока с лишним. Но он оставил свои размышления после того, как Толечка радушно предоставил влюбленным свою спальню (редактору газеты понадобилась на несколько суток его квартира), а сам переместился на диванчик в живинг-рум. Толечка мирно проспал на диванчике несколько ночей, в то время как вновь образовавшаяся пара, преодолевая болезнь писателя, с переменным успехом пыталась делать любовь в его спальне...

Сейчас, из времени, вооруженному несколькими неосторожными фразами Наташки, несколькими полупрозрачными намеками ее друзей (любимое занятие друзей – полупрозрачно намекать), писателю кажется несомненным, что Толечка был влюблен в Наташку. И, может быть, влюблен он как давно, с московских еще времен, когда, шестнадцатилетняя, она вышла замуж за друга Толечки – тридцатисемилетнего Арнольда. Обладание большим зверем, Наташкой, было, однако, Толечке не по силам. Может быть, они в свое время даже пытались делать любовь, и делали. Но какое это все имеет теперь значение, если слегка помятый жизнью зверь давно уже живет с писателем. Иной раз, правда, отвечая мужскому голосу в телефоне, изъявившему желание поговорить с Наташей, писателю приходит в голову: «Может быть, и ему она сказала, записывая номер телефона: "Мужчина, который подходит к телефону, – мой друг. Нет-нет, мы не спим вместе"». Так она в свое время охарактеризовала писателю Толечку. Поди узнай правду. А ведь так хочется знать именно правду.

Из Толечкиной спальни они переместились в освободившуюся опять холостяцкую квартиру редактора газеты. Писатель, уже увидевший в Толечкиной квартирке фотографию Наташи в черном платке, прижимающей к груди его книгу стихов, уже знающий, что она ссорилась из-за его книг с мужьями и друзьями, чувствовал себя неловко, представляя, что от него ожидается чрезвычайное поведение. То есть, возможно, она ожидает, что его сексуальный акт должен быть сексуальным актом ангела. Должны звучать сладкие небесные хоры, сыпаться лепестки роз, а на возлюбленных должны изливаться с небес квартиры редактора русской газеты мирра и жидкий мед. Или же, напротив, его сексуальный акт должен быть обставлен в стиле совокуплений дьявола со стихами. Электрические разряды должны сотрясать атмосферу. Змеи должны поднимать головы над телами возлюбленных, черные коты – шипеть и выгибать спины, а из гребешка писателя отчетливо должны выступить рожки.

Увы, даже простыни они привезли от Толечки, со всех полок на них глядели скучные эмигрантские книги в бесцветных обложках, из кухни и ванной доносился старческий шепот вод, и время от времени грудь писателя сотрясал очередной приступ кашля. Ласково, но подозрительно смотрели друг на друга мужчина и женщина, почему-то решившие остаться вдвоем в этом жилище.

Вечерами они выбирались «в люди». То их несколько раз выводил в ресторан с белыми скатертями маленький редактор, похожий на Ал Пачино в фильме «Скарфэйс», то они бывали приглашены на какую-нибудь парти. Однажды пришлось писателю заглянуть и туда, где она провела последний период своей жизни, где она чувствовала себя королевой и, очевидно, была (что, впрочем, не умаляет зверя и его значения в жизни писателя) легкодоступной пиздой. Случилось это следующим образом.

Энергичная профессорша Мария (это она организовала писателю лекторское турне) пригласила их от имени почитателей писателя – пары компьютерных инженеров – на обед. Узнав адрес пары, Наташка помрачнела (писателю адрес ничего не говорил). Не очень охотно она уселась за руль «мерседеса», и они пустились в бег по полотнищам бесконечных лос-анджелесских хайвеев. Наташка в белом комбинезоне держала руку с сигаретой в окне, и по ее слишком быстро меняющимся сигаретам писатель понял, что его подруга злится. Все вместе асфальтовые ремни хайвеев гудели и жарко дышали тысячей литейных цехов. Компьютерная пара жила слишком далеко.

– Если бы я знал, что так далеко, мы бы не поехали, – оправдался писатель, вспомнив ее раздражение на пути в первый калифорнийский университет.

Они прибыли в темноте, запарковались, случайно встретили у ограды темного поля, пахнущего болотом, профессоршу Марию с подругой, вылезавших из большого и грубого автомобиля, и все вместе вошли в бетонные кишки новоотстроенного дома. В кишках, тут и там, были пробиты, по-южному, бреши в пахнувший болотом воздух. Из скучной двери на третьем этаже вышел к ним длинный нос и очки компьютерной женщины, а потом и сонная борода компьютерного мужчины.

Гостей встретили однообразнокорешковые научные книги, незаметная, нелюбимая никем мебель, Бог – серочехольный компьютер, занимающий центральное место у многостворчатого окна, и россыпь овощей на столе. Это не был первый скучнейший обед в жизни писателя. Он давно знал, что время от времени приходится проваливаться в такие вот ямы, наполненные скучностями. Что, как ни оберегайся, ошибки неизбежно случаются, что жизнь, увы, – это не фильмы о Джеймсе Бонде с автоматической сменой одной красивой сцены на другую. Писатель взял за холодные бока галлоновую бутылку с белым вином и налил себе и подруге по большому бокалу. Она обрадованно выпила. Опустошив свой бокал, писатель тотчас наполнил бокалы опять. Вегетарианцы – компьютерная пара – мяса гостям не подали, мясо заменила селедка. Писатель-супермен спокойно выдержал бы и десяток таких вечеров – с редиской, огурцами и большим блюдом капусты на столе, однако вынужден был заволноваться, увидев, что его новая подруга, не умея скрыть своего неудовольствия неинтересностью происходящего и вегетарианским обедом, начала гримасничать.

Беседа, очевидно, была также незначительна. Писатель никогда не смог вспомнить, о чем же говорили пять человек в тот вечер. Шестая, Наташа, то насмешливо, то презрительно глядела на компанию со стороны и нескончаемо манипулировала то сигаретой, то бокалом. В конце концов она вышла в небольшую комнату, служащую компьютерной паре спальней, там же стояло пиано, и не вернулась. Тихие пиано-аккорды заполнили вдруг небольшое пространство сонной квартиры, и писатель было обрадовался, что его новая строптивая женщина нашла себе занятие. Он выпил еще вина и углубился в незначительную беседу, даже находя в незначительности поступающих сообщений известное душевное отдохновение. Однако, когда через небольшой промежуток времени он опять прислушался к сбивчивым аккордам, он различил сквозь них плач.

– Наверное, она плачет оттого, что мы не обращаем на нее внимания, – прошептала профессорша Мария – женщина-друг.

Писатель еще раз оглядел присутствующих. Самцов среди них не было. Писатель был писателем. Компьютерный мужчина мог бы быть самцом вне зависимости от существования жены, но таковым не был. У него была серая борода и серые брюки и никакого секса в выражении лица. Красивому, музицирующему плача, зверю, по всей вероятности, могло бы сделаться интересно, он тотчас бы оживился, и даже редиска и огурцы не помешали бы получить удовольствие, если бы открылась вдруг дверь и вошли несколько глазастых, яркогубых молодых людей в джинсах, взбугрившихся в паху. «Нет, не так вульгарно, – поправил себя мысленно писатель, но... появились бы мужчина или мужчины, которые "увидели" бы красивую, круп-

ную, с большими чувственными губами Наташку. Компьютерный серый человек и писатель Лимонов ее не "видят", и она это чувствует, оттого и плачет».

– Попросим Наташу спеть, – предложила умная профессорша, улыбаясь.

Писатель встал и прошел в другую комнату.

– Что ты тут делаешь? – спросил он и, сев на музыкальную скамеечку рядом с подружкой, обнял ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.